— Брат Чу, признаться, я вовсе не хотел встречаться с тобой при таких обстоятельствах.

Искренне прозвучавший вздох донесся из-за дверей. В то же мгновение снаружи послышалось частое дыхание множества людей, и не прошло и мига, как нас окружила плотная толпа из почти сотни человек. Из их рядов вышел крепкий мужчина с короткой бородкой. Ростом он едва ли достигал шести футов, будучи чуть ниже большинства мужчин, но никто не осмеливался над ним насмехаться. Ведь перед нами стоял глава двадцати четырех подразделений Павильона Ветров и Облаков, чья техника меча Шести Согласий внушала ужас всему миру боевых искусств — сам Король Меча, Вэй Буфань!

Чу Шэчжи перестал изображать свою привычную улыбку:

— Неужели? А мне казалось, что господин Вэй подготовился к этому еще тогда, когда решил меня обмануть.

Вэй Буфань дважды кашлянул:

— Мы знакомы уже почти десять лет. — Его рука привычно легла на рукоять меча у пояса. — Не думал, что из-за такой дружбы ты предпочтешь поверить какому-то безвестному монаху, а не брату.

Чу Шэчжи поднялся и заслонил меня собой, заняв защитную позицию:

— В таком случае господин Вэй должен лучше знать мой нрав. Я не служу императорскому двору, мое дело — лишь докопаться до истины, а не вершить суд. И в поиске правды человеческие чувства не имеют значения.

— Ха-ха-ха! — Вэй Буфань хлопнул в ладоши и рассмеялся. — Хорошо сказано, не имеют значения! Раз так, то и мне нет нужды беречь наши отношения. Жаль, конечно. Можешь не защищать его, я не собираюсь убивать этого развратного монаха, да и Малый ван мне не подконтролен. Но, брат Чу, сегодня ты встретишь свою смерть!

— Пф-ф… — Сдавленный смешок внезапно привлек всеобщее внимание. Я осекся и, заметив, что на меня уставились все присутствующие, неловко улыбнулся: — Прошу прощения, мне просто вдруг вспомнилось кое-что забавное. Продолжайте, пожалуйста.

Глаза Вэй Буфаня недобро сузились:

— Ты, распутный монах, не думай, что я…

— Пфф… — Я больше не мог сдерживаться и, отодвинув Чу Шэчжи в сторону, произнес: — Амитабха. Я всегда считал, что веду себя безупречно, так откуда же господин Вэй взял это прозвище — развратный монах?

Чу Шэчжи вспомнил, как маленький монах общался с Чжао Цзинжоу, а затем подумал о Вэй

Чэнчэн, которая вечно не давала покоя собственному отцу, и, кажется, догадался, в чем дело. Он тихо спросил меня:

— Ты что, тоже рисовал для Вэй Чэнчэн эскизы для вышивки?

Я опешил:

— Если та девушка, что переоделась тюремщиком, и есть Вэй Чэнчэн, о которой ты говоришь, то я для нее ничего не рисовал. — Чу Шэчжи не успел даже вздохнуть, как я продолжил: — Мы просто обсуждали пьесу, которую она сама сочинила.

Вэй Буфань вышел из себя:

— Твою мать! Ты, пользуясь своей смазливой рожей, обманул ее, и она каждый день бегала в тюрьму, чтобы повидаться с тобой, а потом еще и подделала мой приказ, чтобы тебя выпустить! А теперь строишь из себя дурачка!

Вэй Минцзюэ, нахмурившись, наконец получил возможность вставить слово:

— По-моему, ты не мог так легко отпустить Цзюцзяня. Оказывается, это ты сам совершил подлость, на которую даже близкие смотреть не могли, и теперь, вместо того чтобы стыдиться, пытаешься переложить вину и очернить Цзюцзяня. Просто смешно!

Вэй Буфань бросил взгляд на Маркиза, Усмиряющего Север, и, увидев, что тот не собирается вмешиваться, с презрением усмехнулся Вэй Минцзюэ:

— Малый ван, вам не стоит строить из себя аристократа перед таким грубияном, как я. Если бы вы не наплодили столько любовных долгов, которые всем глаза мозолят, за вами бы не следили так пристально. Вижу, как вы засуетились… Что, надоели прежние забавы и потянуло на монахов?

Заметив, что он готов вылить еще больше грязи, Чжао Цзинжоу холодно ударила ладонью по столу:

— Вэй Буфань, это поместье Маркиза, а не твой Павильон Ветров и Облаков! Следи за своим языком!

Чжао Уцзи не стал отчитывать Чжао Цзинжоу и никак не отреагировал на слова Вэй Буфаня, но само его молчание было грозным предупреждением. Вэй Буфань проглотил остатки язвительных слов и, стиснув зубы, бросил Чу Шэчжи:

— Брат Чу, прости!

С этими словами он выхватил длинный меч и бросился в атаку!

Не зря техника меча Вэй Буфаня считалась сильнейшей в мире. Если судить только по движениям, техника Шести Согласий не казалась чем-то выдающимся, но в сочетании с

мастерским перемещением, ударами кулаков и невероятной физической силой Вэй Буфаня она обретала сокрушительную мощь. Его прославленная битва состоялась, когда ему был двадцать один год: тогда он в одиночку сразился с Фэй Чэньцзяо, главарем водных разбойников, державших в страхе речные пути Янчжоу. Вэй Буфань восемьюдесятью одним приемом «обвивающего меча» буквально задушил Ладонь Восходящего Дракона своего противника. Кто, услышав об этом, не назвал бы его героем? Жаль только, что десять лет жизни в мирской суете в итоге окрасили его сердце в другие цвета.

Чу Шэчжи не успел предаться сожалениям — атака Вэй Буфаня была уже близко! Вэй Буфань левой рукой наносил рубящий удар, а правую держал у пояса, готовясь к решающему выпаду. Чу Шэчжи согнулся, уходя от клинка, и взмахнул веером, создавая поток воздуха, чтобы рассеять силу скрытого удара кулаком. Затем он нанес прямой удар ногой, целясь в правое колено Вэй Буфаня, но тот, слегка согнув левое колено, отпружинил в сторону и избежал атаки.

Игнорируя людей из Павильона Ветров и Облаков, которые все плотнее сжимали кольцо, я сосредоточил взгляд на сражающихся и втайне нахмурился. По логике вещей, Вэй Буфань принимал Порошок Высшего Блаженства уже немало времени, и его мышцы должны были начать атрофироваться. Однако он не выглядел истощенным, напротив — взгляд его горел, а удары были сильны. У Чу Шэчжи под рукой не было достойного оружия, и он начал уступать.

— Чу Шэчжи! — я посмотрел на его веер, и в голове созрел план. — Используй это!

Чу Шэчжи мгновенно понял намек. Игнорируя настороженный взгляд Вэй Буфаня, он вытащил из-за пазухи «тайное оружие» и метнул его в противника.

— Мелкие пакости! — насмешливо бросил Вэй Буфань и легко разрубил летящий предмет пополам, после чего закашлялся от облака белой пыли. — Мука?

Мы с Чу Шэчжи одновременно улыбнулись — мука была лишь отвлекающим маневром, самое страшное ждало впереди.

Когда Чу Шэчжи приходил ко мне в Храм Белого Дракона, он принес небольшой пакетик Порошка Высшего Блаженства, чтобы я помог его опознать. Пусть чистота того состава была не самой высокой, но этого хватило, чтобы переломить ход боя. Пока Вэй Буфань, ослепленный мукой, терял ориентацию, Чу Шэчжи, задержав дыхание, на предельной скорости сократил дистанцию, прижал целый пакет порошка к лицу противника, а затем, использовав силу ответного удара Вэй Буфаня, вылетел из кольца окружения и в несколько прыжков скрылся из виду.

Разумеется, нашей целью было не сражение, а лишь возможность для Чу Шэчжи благополучно выбраться. В сложившейся ситуации Вэй Буфань временно не мог мне навредить, а Маркиз… он определенно не посмеет меня тронуть.

И точно: когда люди из Павильона Ветров и Облаков попытались схватить меня, вмешался

Чжао Уцзи. Он с грохотом поставил чайную чашку на стол, и мощная волна давления вместе с потоком внутренней энергии накрыла всех присутствующих:

— Этот человек находится под моей защитой.

Вэй Буфань, успевший вдохнуть добрую порцию порошка, лежал на полу, закатив глаза. Его заместитель, с трудом сопротивляясь давлению, попытался возразить:

— Но…

Чжао Уцзи даже не взглянул на него:

— Вон.

Люди из Павильона Ветров и Облаков подхватили своего главу и поспешно ретировались. Кто-то осмелился спросить, куда доставить Вэй Буфаня, на что Маркиз равнодушно ответил:

— Разве комната Чу Шэчжи не пустует? Туда и несите. Оставьте одного слугу для присмотра, а остальным — вон из поместья, нечего мне глаза мозолить.

Затем он перевел взгляд на ошеломленного Вэй Минцзюэ и усмехнулся:

— Недоумеваешь, почему эти люди из мира боевых искусств смеют насмехаться над тобой, но перед мной даже дышать боятся? В этом и есть разница между истинным и мнимым. Минцзюэ, ты все еще слишком молод и не понимаешь, от чего сам отказываешься. — Маркиз обвел взглядом комнату. — Впрочем, об этом потом. Все выходите, мне нужно поговорить с Цзюцзянем наедине.

Лицо Вэй Минцзюэ побледнело:

— Учитель, Цзюцзянь пострадал лишь из-за меня, прошу вас… не причиняйте ему вреда.

Я бросил на него успокаивающий взгляд:

— Малый ван, господин Чжао не станет ничего мне делать. Разумеется, и вам тоже, верно?

Последний вопрос был адресован Чжао Уцзи. Он посмотрел на меня и кивнул:

— Уходите все до единого. Если кто-то осмелится прервать наш разговор — казнить без суда.

Когда все разошлись, я поднял палочки для еды и невозмутимо принялся за трапезу. Пусть еда присыпалась пылью во время потасовки, вкус у нее был неплохой.

— Твой характер стал совсем не таким, как в детстве. — Чжао Уцзи сидел напротив и наблюдал, как я с аппетитом ем. — Буддийская обитель и правда место, где обретают покой. У тебя даже сейчас хватает духа на еду.

— Ем, а почему бы и нет? — я положил в рот кусочек соевого мяса. — Каждое зернышко риса дается нелегко, нужно ценить плоды труда. Маркиз не желает присоединиться?

Чжао Уцзи спросил:

— Почему ты солгал? Не хочешь, чтобы Минцзюэ узнал, кто ты такой?

— Как вы можете так несправедливо обвинять меня, господин? — я подмигнул ему. — Монах не должен лгать. Цзюцзянь действительно никогда не встречался с Маркизом, а того, кто знает Чжао Уцзи, зовут Шэнь Цзи.

Чжао Уцзи нахмурился, явно недолюбливая эти словесные игры:

— Я думал, ты погиб. До тех пор, пока он не послал людей на твои поиски. Я знаю его: если он не уверен в успехе, он не станет действовать так открыто. — Он снова посмотрел на меня сложным взглядом: — Ты выглядишь в точности как твой отец в молодости. Если бы не… После того случая он начал стремительно стареть, и Минцзюэ, скорее всего, догадался бы.

— Так ли важно, узнает он или нет? — я почувствовал, что еда солоновата, и отщипнул кусочек маньтоу. — При его положении чем меньше он знает, тем дольше проживет. Ради нашей былой дружбы, ты ведь тоже не хочешь, чтобы он погиб, дядюшка Уцзи?

Чжао Уцзи замер:

— Дядюшка Уцзи… Я не слышал этого обращения уже много лет. Ты ненавидишь меня, верно?

— Ненавижу ли я… — я слегка растерялся. Я — пришелец из другого мира, унаследовавший память и чувства шестого принца Шэнь Цзи. С его точки зрения, ненависть была бы естественной. Но я мог отстраниться от этих эмоций и взглянуть на воспоминания как сторонний наблюдатель. — Возможно. В те годы я был несмышленым и не понимал, почему ты так поступил. Но теперь, вспоминая, я начинаю тебя понимать.

— Дядюшка Уцзи, а ведь ты тоже ненавидишь меня, правда? — я подпер щеку рукой и добавил спокойно: — В конце концов, мать Цзинжоу и ее брата погибла из-за меня.

http://bllate.org/book/22245/2325296